

Уильям
Тенн

WILLIAM
TENN

HERE COMES
CIVILIZATION

Уильям
Генн

ВОТ ИДЕТ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Т33

Серия «Мастера фантазии»

William Tenn

HERE COMES CIVILIZATION:

THE COMPLETE SCIENCE FICTION OF WILLIAM TENN, vol. 2

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Публикуется с разрешения наследников автора

и Virginia Kidd Agency, Inc. (США)

при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Тенн, Уильям.

Т33

Вот идет цивилизация : [сборник] / Уильям Тенн ; [пер. с англ.]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 720 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-105982-8

Вампиры, привидения и ведьмы.

Инопланетяне и земляне, попадающие в невероятные переделки.

Модели ближайшего будущего человечества, окрашенные во все цвета радуги — от иронико-космических до мрачно-саркастических.

Вопросы архитектуры и философии, биологии и парапсихологии, феминизм и маскулинность, странные верования, воспитание детей, стыд и гордыня, порно и политика, расовые проблемы... Кажется, нет такой темы, которую Уильям Тенн обошел бы своим вниманием!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© William Tenn, 2001

© Перевод. М. Ланина, наследники, 2018

© Перевод. А. Новиков, 2018

© Перевод. Н. Кудряшев, 2018

© Перевод. К. Круглов, 2018

© Перевод. А. Корженевский, 2019

© Перевод. П. Ехилевская, 2019

© Перевод. Б. Жужунова, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-105982-8

ВОТ ИДЕТ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Предисловие от Роберта Силверберга

Единственное, что достойно сожаления в этом двухтомном собрании научной фантастики Уильяма Тенна (из каковых двух томов этот — второй, и, если у вас до сих пор нет первого тома, «Непристойных предложений», мой вам совет: бегите бегом в магазин и купите его!), так это его подзаголовок: «*Полное собрание научной фантастики Уильяма Тенна*». Если называть вещи своими именами, полное собрание научно-фантастических произведений Уильяма Тенна заняло бы гораздо большее количество томов, нежели эти жалкие два. Нельзя ведь запихнуть полное собрание сочинений Роберта Хайнлайна, или Филипа Дика, или Айзека Азимова в два тома, будь они даже толщиной в телефонный справочник Манхэттена. Даже Рэю Брэдбери, считающемуся, подобно Уильяму Тенну, автором преимущественно коротких рассказов, потребовалось бы не меньше полдюжины этих книжечек размером с автобус каждая. Что же касается полного собрания научно-фантастических сочинений Роберта Силверберга... ну, в общем, вы поняли.

Но тут перед нами полное собрание научной фантастики Уильяма Тенна — так сказать, *gesammelte Werke* человека, писавшего это на протяжении полувека с лишним, — и все уместилось в двух томах. Воистину прискорбный факт, и я искренне сожалею об этом. Томов такого размера должно быть не меньше восьми. Или восемнадцати. И если вы считаете, что рассказы в этих двух книгах гениальны, интригующе изобретательны и потрясающе смешны, а это, заверяю вас, так и есть, вам стоило бы почитать те рассказы, которые он так и не удосужился записать.

Они, скажу вам по секрету, абсолютно сногшибательны. Самые слабые из них порвали бы ваш мозг в клочья. Когда я думаю о всех тех восхитительных рассказах Уильяма Тенна, которые канут вместе с ним в вечность, мне хочется плакать. Великая трилогия, развернутая в параллельной вселенной, в которой безраздельно правили такими

враждующими византийскими императорами Гораций Голд и Джон Кемпбелл... дюжина ехидных историй про соломоновы решения верховного раввина Марса... замысловатое прочтение хайнлайновского «По пятам» задом наперед — клянусь, вам бы все это понравилось. Но где это? Нигде, вот где. Фил — то есть «Уильям Тенн», потому что так уж вышло, по-настоящему его зовут Филипп Класс — так и не раскачался написать это. И, хотя ему пошел всего девятый десяток и он все еще позиционирует себя активно пишущим автором (каковым он изображался последние пятьдесят лет), я сильно сомневаюсь в том, что он это сделает.

И я вам скажу, почему.

Это все штучки в духе Шехерезады. В своем предисловии к первому тому Конни Уиллис сообщила нам, что Чарльз Браун из журнала «Локус» обозвал как-то Фила «Шехерезадой научной фантастики». Признаюсь, я не без труда воспринимаю этот ярлык: трудновато разглядеть роскошную Шехерезаду в миниатюрном еврейском старичке с всклокоченной бородкой... правда, полагаю, Шахрияру в этом смысле пришлось бы еще труднее, чем мне. И все же я понимаю, что имел в виду Чарльз.

Шехерезада обладала феноменальной способностью заговаривать зубы. Разумеется, она была одной из величайших в мире рассказчиц — калибра Гомера, или Диккенса, или Старого Морехода — сказительница, чьи истории знают и любят и сейчас, спустя тысячу лет. Когда она начинала говорить, вам не оставалось иного выбора, кроме как слушать. Конечно, вы же помните сказки про Синдбада-морехода, Али-Бабу и Аладдина — сами по себе уже нетленные, незабываемые истории. Но кроме того она наверняка была неподражаемой рассказчицей, потому что прежде ей пришлось завоевать внимание султана — чтобы он вообще разрешил ей рассказывать сказки, которые отвлекли его от неотложной задачи: отрубания ее головы.

Фил Класс — напоминаю, так при рождении звали человека, написавшего «Полное собрание научной фантастики Уильяма Тенна», — тоже умеет поговорить. И я совершенно уверен в том, что он позволил еще восьми (десяти, шестнадцати) томам Полного собрания сочинений улетучиться вместе с сигаретным дымом на десяти миллионах коктейль-пати — вместо того, чтобы записать всю эту чертову уйму материала.

Фил, с которым я знаком года с 1956-го или около того, запомнился мне маленьким человечком с беспрестанно движущимися челюстями. Он тараторил как пулемет, со скоростью мили в минуту, когда мы с ним познакомились на каком-то сборище коллег в Нью-

Йорке 1950-х, он продолжал говорить в таком же головокружительном темпе все последующие десятилетия, и, хоть мы и не виделись уже несколько лет, поскольку проживаем теперь на противоположных побережьях Северной Америки, я совершенно уверен в том, что он и в настоящий момент тараторит что-то у себя в Пенсильвании.

Ну, конечно, поскольку мы с вами живем в двадцать первом веке, многократно воспетом членами нашего маленького творческого цеха, его вербальная скорость должна теперь измеряться в метрической системе, поэтому предположим, что сейчас он говорит со скоростью 1,6 километра в минуту, однако эффект ровно тот же: человек, стремящийся выложить тебе уйму потрясающе интересных мыслей на одном выдохе.

К числу этих мыслей, боюсь, относятся и некоторые из лучших его рассказов.

Нас, профессиональных писателей, сызмальства — со времен, когда мы только-только начинали писать, внимательно прочитывали «Ридерс Дайджест» и искали в учебниках советы о том, как удвоить объем рукописи, — так вот, нас сызмальства учили тому, что писатель никогда, ни при каких условиях не должен говорить о том, над чем работает, поскольку существует реальный риск того, что у него эту работу уведут. Филу это правило известно, наверное, с тех пор, когда я еще и понятия не имел, кто такой Джон Ю. Кемпбелл-мл. И ему на это правило плевать, или же он просто такой импульсивный рассказчик, что никак не может остановиться. Я помню, он говорил про рассказ под названием «Уинтроп был упрям» где-то около года, с 1956-го по 1957-й. К концу этого срока я настолько хорошо ознакомился с его содержанием, что порой мне казалось, будто я пишу его сам. Я уже поверил в то, что этот рассказ не будет дописан никогда, а останется устной историей, так что изрядно удивился, когда он все-таки появился в августовском номере «Галактики» за 1957 год (я помню эту дату очень хорошо, потому что в том же номере напечатан и мой рассказ) — правда, редактор, Гораций Голд, поменял название на «Время ждет Уинтропа». Кстати, вы найдете этот рассказ — Фила, не мой — в первом томе этого собрания, под первым и более удачным названием «Уинтроп был упрям».

«Уинтроп был упрям» — это исключение, подтверждающее правило. Фил почти заболтал этот рассказ, хотя все-таки удосужился его написать. Это ехидная, восхитительно ехидная история, почти столь же прекрасная, как те, которых вы не читаете, потому что записать их Фил так и не удосужился. Примерно так же вышло с другим произведением (которое вошло в этот том), «Обитатели стен», — он все

говорил, говорил и говорил о том, что пишет роман, чего прежде не делал никогда, и никто из нас не надеялся дожить до его окончания, даже после того, как фрагмент его появился в 1963 году в «Галактике». К этому времени работа над ним длилась как минимум тысячу и одну ночь, а то и дольше; тем не менее прошло еще пять лет, прежде чем законченный роман вышел отдельной книгой в «Баллантайн Букс».

«Обитатели стен», если мне не изменяет память, единственный роман, который Филип Класс благополучно дописал до конца (его другое крупное произведение, «Лампа для Медузы», все-таки, думается мне, ближе к повести). Все остальные он выболтал на вечеринках. Некоторые растворились бесследно, и о них никто и никогда больше не слышал. Другим повезло быть написанными, но не Филом. Слышали когда-нибудь про «Чужака в чужой стране» Роберта Хайнлайна? А про «Свидание с Рамой» Артура Кларка? «Поле битвы — Земля» Рона Хаббарда? «Великого Гэтсби» Френсиса Скотта Фитцджеральда? Все это могло быть написано Уильямом Тенном. Но он болтал о них, и болтал, и болтал снова — вечеринку за вечеринкой (только «Гэтсби» назывался у него «Моей Лонг-Айлендской историей», а «Поле битвы — Земля» — «Моей космической оперой»), и идеи эти казались всем просто гениальными. И наконец, сообразив, что на самом-то деле он не очень-то и собирается все это писать, те, другие парни принимались за дело и делали эту работу за него. Это просто стыдобище, один из величайших скандалов в литературе двадцатого века.

Ну, на протяжении последних пятидесяти лет он, конечно, время от времени садился и писал что-то, и я полагаю, мы должны быть благодарны хотя бы за ту малую толику Полного собрания сочинений Уильяма Тенна, которую NESFA-Пресс смогло-таки опубликовать в этих двух тоненьких томах. Возрадуемся же этому факту, ибо, как я уже говорил или писал где-то раньше, он мастер умной, циничной, а иногда и мрачной, но в любом случае ироничной научной фантастики — я точно знаю, что говорил или писал это, потому что эту цитату тиснули на заднюю обложку этих книг, — и более того, он Великолепный Мастер умной, циничной, а порой и мрачной, но в любом случае ироничной научной фантастики. Я всегда буду восхищаться этими двумя книгами — и вы тоже будете. И все мы будем надеяться на то, что Фил, живя долго и счастливо, будет все-таки время от времени пописывать что-нибудь в счет третьего тома Полного собрания своих сочинений, который он нам всем задолжал.

ВОТ ИДЕТ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

БЕРНИ ПО ПРОЗВИЩУ ФАУСТ

Это меня так Рикардо прозвал. Сам-то я не знаю, кто я есть. Вот он я: сижу в крошечном — шесть на девять — кабинетике, углубившись в сводки распродаж из правительственных резервов. Такая у меня работа: пытаться определить, где можно урвать доллар-другой, а где ничего не светит, кроме головной боли. И тут открывается дверь. И в дверь заходит этот мелкий тип с грязной физиономией, в совсем уж негодящемся костюмчике. Заходит и, неуверенно кашлянув, спрашивает:

— Не хотите ли, — говорит, — купить двадцать за пятерку?

Так вот прямо и спросил. То есть что хочешь, то и думай.

— Чего-о? — удивился я и смерил его взглядом. Он потоптался на месте и кашлянул еще менее уверенно.

— Двадцать, — повторил он.

Я посмотрел на него так, что он опустил взгляд, уставившись на свои башмаки. Башмаки у него были поношенные, потрескавшиеся и заляпанные грязью — ну, под стать всему остальному. А еще левое плечо у него то и дело подергивалось, словно от тика.

— Я даю двадцать, — объяснил он своим башмакам, — а вы мне даете пять. Выходит, у меня будет пять, а у вас двадцать.

— Как вы сюда попали? — спросил я.

— Просто вошел, — ответил он в некотором замешательстве.

— Просто вошли? — переспросил я и подпустил в голос немного угрожающих ноток. — Ну так ступайте восвояси! Вниз по лестнице и к чертям собачьим на выход. Кстати, в вестибюле висит табличка: ПОПРОШАЙКАМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН!

— Я не попрошайничаю, — он подергал за низ пиджака, словно поправлял пижаму, едва выбравшись из кровати. — Я хочу вам кое-что продать. Двадцать за пятерку. Я даю вам...

— Хотите, чтобы я вызвал полицию?

А вот теперь он действительно испугался.

— Нет. Зачем же полицию? Я вам ничего такого не сделал, чтобы вы вызывали полицию!

— Еще секунда, и я им позвоню. Я вас предупредил. Один звонок вниз, в охрану, а они уже сообщат в полицию. У нас здесь не любят попрошайек. Здесь серьезным бизнесом занимаются.

Он провел рукой по лицу, от чего то, возможно, сделалось чуть чище, а потом вытер руку о пиджак, от чего тот сделался еще грязнее.

— Так вы не хотите? — спросил он. — Двадцать за пятерку? Вы же покупаете и продаете. Что не так с моим предложением?

Я потянулся к телефону.

— Ладно, ладно! — он выставил перед собой грязную пятерню. — Уже уйду.

— Правильно, уходите. И дверь за собой не забудьте закрыть.

— На случай, если вы вдруг передумаете, — он порылся в кармане отвратительных, измятых брюк и достал карточку. — Вы можете связаться со мной. В любое время дня... почти.

— Выметайтесь, — буркнул я. Он протянул руку, уронил карточку мне на стол — прямо на бумаги, — раз-другой кашлянул и еще раз окинул заискивающим взглядом, не передумал ли я. Я не передумал. Он вышел. Я осторожно, самыми кончиками пальцев взял карточку, чтобы выкинуть ее в корзину, но спохватился. Настоящая визитная карточка. Черт меня подери, слыханное ли дело — оборванец вроде этого с собственной визиткой! И все же вот она, перед глазами. Если подумать, так все это было не совсем чтобы обычным случаем. Я даже начал жалеть, что не дал этому бедолаге изложить свое дело. Ну, выслушал бы я его, не помер бы. В конце концов, вся его возня сводилась к тому, что парень пытался предложить мне сделку. И когда это я был против сделки — если она выгодная, конечно. Да, я сижу в крошечном кабинете, покупаю и продаю почти все, что угодно, — но большую часть моего товара составляют хорошие идеи. Хорошую идею грех не использовать, даже если исходит она от бомжа. Карточка оказалась неожиданно чистой, если не считать двух бурых пятен в местах, где он брался за нее своими пальцами. На белом прямоугольнике красовались написанные витиеватым почерком слова: «м-р Ого Эксар». Ниже, мелкими буквами, название и телефон отеля, располагавшегося где-то рядом с Таймс-сквером, совсем недалеко от моей конторы. Я даже знал этот отель — не дорогой, но и не клоповник. Чуть ниже среднего уровня. В углу значился номер комнаты. Смотрел я на него, и что-то странное со мною

творилось, сам не пойму, что. Хотя, с другой стороны, почему бы коммивояжеру не останавливаться в отеле?

— Не будь ты таким снобом, Берни, — сказал я себе. Значит, он предлагал двадцать за пятерку? Черт, хотелось бы мне посмотреть на его физиономию, если бы я сказал: «Ладно, давайте мне свои двадцать, берите мои пять — и валите отсюда». Тут взгляд мой упал на бумаги. Я кинул карту в корзину и попытался заняться делами. Двадцать за пять. Какая в этом выгода для коммивояжера? Все это решительно не шло у меня из головы! И справиться с этим я мог лишь одним-единственным способом. То есть посоветоваться с кем-нибудь. С Рикардо? Он не абы кто, а настоящий профессор, в колледже. Один из моих лучших консультантов. И много чем мне помог: и курсами в колледже за смешную сумму в полторы тысячи, и халявным оборудованием для офиса — из списанного ООН... ну, такого рода штуками. И всякий раз, когда у меня возникал вопрос, требующий университетских знаний, он оказывался очень даже кстати. За коммиссионные с меня, конечно, — сотни за две или три. Я посмотрел на часы. Рикардо должен быть у себя на работе — проверять контрольные или что ему там положено делать. Я набрал его номер.

— Ого Эксар? — переспросил он. — Похоже на финские имя и фамилию. Ну, или эстонские. Я бы сказал, откуда-то с восточной Балтики.

— Забейте, — посоветовал я ему. — Меня волнует совсем другое, — и рассказал ему про двадцать-за-пять. Он рассмеялся.

— Что, опять?

— Что опять? Какая-нибудь древняя байка про то, как античные греки нагрели египтян на кругленькую сумму?

— Нет, вовсе не греки. Американцы. И никто никого не нагрел. В годы Депрессии одна из нью-йоркских газет послала репортера по городу с чеком на двадцать долларов, который он предлагал любому желающему купить за один доллар. И знаете что? Никто не согласился. Суть в том, что даже безработные, находящиеся на грани голодания люди прилагают столько усилий, чтобы не выглядеть слабаками, что отказываются от халявного дохода почти в две тысячи процентов.

— Двадцать за доллар? Этот предлагал двадцать за пятерку.

— Сами понимаете, Берни, инфляция, — он снова рассмеялся. — Только сегодня это, скорее всего, для какого-нибудь шоу на ТВ.

— ТВ? Да видели бы вы только, как он одет!

— А вы включите логику: это же лишний повод к тому, чтобы люди не воспринимали его предложение всерьез. Наши, университетские, проводя свои опросы, поступают точно так же. Вот хотя бы несколько лет назад — группа социологов изучала отношение людей к уличным активистам. Ну, знаете: таким типам, что обычно торчат на ближайшем углу, бренча мелочью в картонной коробке с надписью типа ПОМОГИТЕ ДВУХГОЛОВЫМ ДЕТЯМ! Или, скажем, СПАСИТЕ АТЛАНТИДУ ОТ ПОТОПА! Так вот, они переделали нескольких студентов...

— Вы что, думаете, что этот парень нашего с вами круга?

— Мне кажется, шанс того, что это так и есть, достаточно велик. Правда, я до сих пор не понимаю, зачем он тогда оставил вам свою визитку.

— Вот это я как раз, сдается мне, смекаю. Теперь-то. Если это какие-то штучки телевизионщиков, за этим может скрываться много всяких других возможностей. Шоу с призами: с машинами там, холодильниками, замками в Шотландии — со всякой такой всячиной.

— Викторина с призами? Ну что ж, вполне вероятно.

Я повесил трубку, сделал глубокий вдох и позвонил в отель к Эксару. Да, он у них зарегистрирован. И как раз только что пришел. Я быстренько спустился и поймал такси. Как знать, с кем он еще за этот час успел договориться? И о чем? Я продолжал думать об этом, поднимаясь на лифте. Как мне лучше перейти от его дурацкой двадцатки к более серьезным штукам — вроде телевикторин, — не дав ему при этом понять, что я обо всем догадываюсь? Ладно, может, повезет. Может, он сам подаст какой намек. Я постучал в дверь номера. Он сказал: «Войдите», — и я вошел. Первые секунду или две я ничего не видел. Номер был убогий, как и все номера в этом отеле, — крохотный, тесный и вонючий. Но света он не включал, ни одной лампочки. И шторы оставались задернуты наглухо. Только когда мои глаза немного привыкли к темноте, я нашел этого Ого Эксара взглядом. Он сидел на кровати, с той ее стороны, что ближе ко мне. На нем все еще красовался измятый дурацкий костюмчик. И знаете что? Он смотрел телевизор — маленький переносной телевизор, стоявший на конторке. Цветной. Только он работал черт знает как. Я не увидел на экране ни лиц, ни пейзажей — вообще ничего, лишь мельтешню цветных пятен. Большая клякса красного цвета сменялась большой кляксой оранжевого, и все это окаймлялось переливающейся синим, зеленым

и черным рамкой. Из телевизора доносился голос, но слов было не разобрать. «Бе-бе, бу-бу, бу-бы, бу-бы...». Стоило мне войти, как он его выключил.

— Таймс-сквер плохое место для того, чтобы смотреть телик, — сообщил я ему. — Слишком много помех.

— Да, — согласился он. — Слишком много помех, — и затем сложил антенну и убрал телевизор. Жаль, что я не видел эту штуку работающей нормально. И знаете что забавно? Я мог бы ожидать, что в номере будет пахнуть спиртным, а в мусорной корзине у конторки так уж наверняка должна была лежать минимум пара пустых бутылок. И — дудки, ничего такого. В номере чем-то пахло, конечно, но я никак не мог понять, чем. Наверное, самим Эксаром.

— Привет, — сказал я, ощущая себя немного неловко из-за того, как только что держал себя с ним у меня в кабинете. Не слишком-то любезно, да уж. Он не поднялся с кровати.

— Двадцатка при мне, — сказал он. — Вы принесли пятерку?

— Да, пятерку найду, конечно. — Я заглянул в кошелек, стараясь, чтобы это не выглядело слишком уж серьезно. Он ничего не сказал, даже не предложил мне сесть. Я достал купюру. — Сойдет?

— Сойдет. — Он подался вперед, ближе к купюре, словно мог разглядеть ее в такой-то темнотище. — Сойдет, — повторил он. — Но мне нужна расписка. Заверенная расписка.

Какого черта, подумал я. Заверенную расписку ему подавай!

— Тогда нам надо спуститься. Тут рядом, на Сорок четвертой, есть один аптекарь — он может заверить.

— Хорошо, — согласился он и встал, закашлявшись при этом. Кашель его прозвучал частой, почти пулеметной очередью. — Тут туалет в коридоре. Дайте мне чуток сполоснуться, и идем.

Я подождал его у входа в туалет, размышляя о том, с чего это он вдруг поднял планку своих санитарных запросов. Я мог бы не заморачиваться на этот счет. Не знаю, чем он там, в туалете, занимался, но одно знаю наверняка: ни вода, ни мыло не имели к этому абсолютно никакого отношения. Он продолжал выглядеть так, словно всю ночь только и делал, что ползком прогуливался по помойкам. По дороге в аптеку я зашел в канцелярскую лавку и купил пачку пустых бланков расписок. Большую часть их я заполнил там же, на месте. Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, дата. Получена от м-ра Ого Эксара сумма в двадцать долларов в обмен на пятидолларовую купюру с серийным номером таким-то.